

случается так, что такая девушка через много лет возвращается на родину, нагруженная богатством, и охотно рассказывает о радостях, испытанных ею, и о чести, которая ей была оказана»¹. По замечанию И.Ф. Бларамберга «зачастую быть проданной является единственным желанием молодой девушки, уверенной в том, что ей удастся занять место в гареме где-нибудь в Турции... Некоторые из них, после нескольких лет пребывания в гареме, получали свободу и возвращались на родину с небольшим состоянием»².

Поэтому, по традиции, во время продажи девушкой-горянкой внешне выражалось недовольство этим фактом, но данные проявления горя в большинстве случаев носили сугубо обрядовый характер. Жизнь невольницы в Турции была для большинства кавказок так привлекательна, что иногда «освобожденные русскими судами пленницы турецкой кочермы, везущиеся для продажи на чужбину, вместо благодарности готовы были выброситься за борт и кидались с кулаками на своих нежеланных освободителей»³.

Таким образом, в отличие от российских и европейских женщин, горянки в большинстве своем положительно относились к возможности быть проданными в рабство — особенно если речь шла о возможности попасть в восточные гаремы. Такое отношение формировалось у девушек с детства рассказами о богатой жизни кавказских наложниц в Турции.

Чикалова И.Р.,

Белорусский государственный педагогический университет
(Минск)

Женское образование на Белорусских землях в составе Российской Империи (1772—1917 гг.)

К моменту первого раздела Речи Посполитой на территории края действовала определенная система образования мужчин. В сети иезуитских школ и коллегиумов выделялись *Полоцкий коллегиум* и *Виленская*

¹ Цит. по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 71.

² Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 353—434.

³ Виноградов Б.В., Клычников Ю.Ю. К проблеме контрабанды и «пленопродавства» на Кавказе в XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 6. Ч. 1. Армавир, 2001. С. 49.; Клычников Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. / Под ред. проф. В.А. Казначеева. Пятигорск, 2004.

иезуитская Академия (1579) — первое в ВКЛ высшее учебное заведение. Шляхетские дочери получали домашнее образование, а с 18 века к их обучению подключились женские католические монашеские ордена.

Первые светские учебные заведения, охватывавшие образованием часть мужчин, на белорусских землях организовывались по мере их присоединения к Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой. В результате реформы российской системы образования (1803–1804) на базе *Главной Виленской школы* был создан *Виленский университет*. Ему подчинялись губернские гимназии, которым, в свою очередь, — мужские поветовые, а им — приходские училища. После закрытия в 1820 и 1831 г. *Полоцкой иезуитской академии* и *Виленского университета* лишь единицы из выпускников местных гимназий могли поехать на учебу за свои средства в зарубежные или столичные университеты. Возможность учиться за казенный счет в столице или в Москве имелась на условии возвращения на родину и отработки определенного срока в школах на территории края.

Некоторая система начального женского образования на белорусских землях возникла и установилась на протяжении второй половины XIX в. «Временные правила для народных школ Виленской, Ковенской, Минской и Витебской губерний» (1863) давали девочкам право учиться в них наравне с мальчиками, поэтому смешанные народные училища стали самым многочисленным типом начальных училищ. Появились также женские народные, приходские и городские училища, женские смены при приходских и народных училищах. Функционировали женские еврейские школы (хедеры, талмуд-торы, казенные училища), а также школы Синода — церковно-приходские и школы грамоты, уровень обучения в которых был ниже. «Положение о городских училищах» (1872) регулировало деятельность мужских учебных заведений, но во многих городах допускалось совместное обучение в них. Тем не менее, степень охвата начальным образованием и уровень распространения грамотности среди лиц женского пола значительно отставал, хотя и среди мужчин он также был невысоким¹.

Одновременно принципиальным являлся вопрос о доступе женщин к среднему образованию: возможность его получения — основная предпосылка для продолжения учебы в высших учебных заведениях. Еще в 1807 г. впервые в истории российской педагогической мысли И.Ф. Богдановичем была высказана мысль о том, что женщины одарены от при-

¹ Даже по переписи 1897 г. в границах современной Беларуси грамотных среди женщин было 15,2% на фоне 36,4% — среди мужчин: Улашик Н.Н. Грамотность в дореволюционной Беларуси // История СССР. М., 1968. № 1. С. 108.

роды теми же способностями, что и мужчины, поэтому они должны получать аналогичное образование¹. Хотя вслед за ним многие авторы педагогической литературы стали переходить от критики общих проблем женского образования к созданию конкретных проектов учебных заведений и программ, правительственная политика в деле расширения даже среднего образования на женщин отличалась противоречивостью. На белорусских землях Министерство народного просвещения взамен закрытых в 1840-е гг. женских пансионов при монастырях стало учреждать женские учебные заведения, приближавшиеся по уровню образования к гимназиям. Открытое в 1860 г. в Гродно Мариинское семиклассное училище (в 1862 г. переименовано в гимназию) стало первым государственным средним женским учебным заведением на территории Беларуси. В 1860-е гг. были открыты женские гимназии в остальных губернских городах — Могилеве, Минске, Витебске, для которых в 1879 г. была утверждена единая и обязательная программа обучения. Однако окончание их рассматривалось в качестве вершины женского образования и не предполагало поступления в университет².

К 1916 г. число женских министерства просвещения и ведомства императрицы Марии гимназий увеличилось до 14, частных — до 63³. Но, хотя в начале века были предприняты шаги по упразднению различий в учебных планах и программах мужских и женских гимназий (например, в женских был расширен курс математики), женское образование по качественному уровню продолжало уступать мужскому. Под женским гимназическим образованием понимали несколько облегченное традиционное классическое образование с включением в него т. н. «женских предметов» (рукоделие, танцы, хоровое пение), а также значительного числа практических сведений (например, из области медицины).

Увеличение числа женских классов в начальной школе заставило рассмотреть вопрос о создании заведений по подготовке для них учительских кадров: в 1874 г. Министерство народного просвещения приняло специальное положение об открытии восьмых (педагогических) классов при женских гимназиях. Однако они начали организовываться в Полоцке, Бобруйске, Бресте, Витебске лишь в годы первой российской революции. К существующим добавились педагогические классы в

¹ Богданович И.Ф. О воспитании юношества // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 113—114.

² К тому же, в 1861 г. женщинам был запрещен доступ в российские университеты даже в качестве вольнослушательниц.

³ Евдокимова Е.Л. Развитие гимназического образования в Белоруссии (XIX — начало XX вв.): Дисс. ... канд. пед. наук. Мн.: НИО, 1995. С. 41.

Минске (1908), Гомеле (1909) и Пинске (1910)¹. В отсутствие правительственных субсидий обучение в них было платным. Гимназистки получали подготовку по общеобразовательным и специальным дисциплинам, участвовали в практических занятиях в школах. В учебном плане отдельным предметом стоял курс педагогики, программа которого представляла собрание разрозненных сведений из дидактики, теории воспитания, физиологии, психологии и школьной гигиены.

Следующим шагом по расширению и улучшению качества женского специального педагогического образования стало принятие Министерством народного просвещения «Положения о женских учительских семинариях» (1908). Его черта — ориентация на соответствующий документ о мужских четырехклассных учительских семинариях². Женские учительские семинарии были открыты в Орше (1911) Борисове (1915), Гомеле (1915), Бобруйске (1916)³ и обеспечивали подготовку учителей со средним педагогическим образованием в наиболее прогрессивной для того времени форме: финансировались из бюджета, имели хорошую материальную базу и должным образом организованный учебно-воспитательный процесс. Тем не менее, в отличие от мужских, они не давали права поступления в открытые в 1910–1914 гг. трехлетние учительские институты: Могилевский, Витебский, Минский. А последние, в свою очередь, не давали ни высшего образования, ни права поступления в университет — их выпускники преподавали в городских и высших начальных училищах.

Таким образом, к началу XX в. женское начальное, среднее и специальное профессиональное образование заняло довольно заметное положение в системе народного просвещения края, но отличалось своими особенностями: шло вдогонку за мужским; в борьбе с польским влиянием правительство обращало особое внимание на женские учебные заведения и вводило отдельное законодательство для них в белорусских губерниях, поддерживало более демократичный состав учениц. Жительницы края, хотя и получили доступ к начальному и, весьма ограниченный, к урезанному по качеству и охвату среднему и специальному профессиональному образованию, в отношении получения

¹ Лухверчик В.Н. Становление и развитие среднего педагогического образования в дореволюционной Белоруссии: Вторая половина XIX — начало XX в.: Дисс. ... канд. пед. наук. Мн., 1997. С. 58.

² «Положение об учительских семинариях» и «Инструкция для учительских семинарий министерства народного просвещения» были утверждены в 1870 и 1875 гг.

³ Мужские семинарии действовали в Молодечно (1864), Полоцке (1872), Несвиже (1875), Свислочи (1876), Рогачеве (1909).

высшего образования оставались ущемленными, впрочем, как и мужчины, чьи возможности для академического обучения были немногим шире.

Шарифуллина Э.М.,
НИЦ «Регион» (Ульяновск)

Переопределяя девичество: гендерный подход в исследованиях молодежи

В докладе на примере анализа современных исследований молодежи и категории «девичество» актуализируется необходимость обращения к самоопределению девушек, которое позволяет расширить рамки изучения их опыта и практик.

«Гендерная слепота» исследователей молодежи, нивелирующих девичий опыт, была актуализирована в критике субкультурного подхода, проблема которого состоит в том, что «жизненные истории, которые исследовались учеными, могли быть отнесены лишь к одной «мужской» половине молодежи, следовательно, только на анализе субкультурных форм этой «половины» и были построены все теории»¹. Одним из объяснений этого является то, что большинство из них «связано с преобладанием биологического подхода, согласно которому девушки по «природе» своей более пассивны, конформны и не испытывают потребности объединяться в группы». В рамках постмодернистского подхода, пришедшего на смену субкультурному, феминистские исследования не только «обнаружили» «спрятанный» женский опыт, но обратили внимание «на подразумеваемую, а подчас и явную, идентификацию исследователей-мужчин с исследуемыми ими мужскими группами», так же отметили необходимость борьбы с «маскулинными ценностями самого исследовательского подхода»². Изменение подобного положения возможно в ситуации обращения исследователей к опыту девушек и преодолению исследовательских стереотипов.

¹ Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.

² Омельченко Е. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Изд-во «Симбирская книга», 2004.